

Использование национальных символов при проведении славянских съездов в XIX в.

Ольга В. Саприкина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, saprolga@yandex.ru*

Аннотация. В XIX – начале XX в. состоялось четыре самых известных славянских съезда: в Праге в 1848 г., в Москве и в Санкт-Петербурге в 1867 г., «тайный» съезд в Праге в 1868 г., славянский съезд в Праге в 1908 г. Первые три мероприятия были тесно связаны между собой. Славянские съезды были ориентированы на идеологию панславизма в ее широком толковании, основанную на понимании возможности объединения всех славян на базе родства языков, происходивших из общего корня.

В ходе дискуссий в российской прессе были намечены проблемы, которые следовало вынести на обсуждение делегатов съезда в Москве и в Петербурге в 1867 г. Ими стали уже традиционные вопросы о русском языке как об инструменте межславянского общения; о том, существует ли цивилизационное единство славян и какие факторы его определяют; какое значение для славянских народов имеет соседство с Российской империей. Организаторы съезда считали, что именно Россия должна стать культурной, конфессиональной и, опосредованно, политической основой славянского единства. Главная организующая функция при этом возлагалась на язык межнациональных связей.

В ходе славянского съезда в Праге в 1848 г. австрийские славяне решить этот вопрос в Дунайской империи не смогли. В 1867 г. российские интеллектуалы выдвинули в качестве основы славянской общности русский язык. Следовательно, языковой вопрос стал главным национальным символом первых славянских конгрессов XIX в.

Ключевые слова: славянские съезды, славянские языки, формирование наций, панславизм, австрославизм, национальный символ, Фр. Палацкий

Для цитирования: Саприкина О.В. Использование национальных символов при проведении славянских съездов в XIX в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 10 (43). С. 131–142.

The use of national symbols in the conduct of Slav Congresses in the 19th century

Olga V. Saprikina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
saproлга@yandex.ru*

Abstract. In the 19th – early 20th centuries four the most famous Slav Congresses took place: in Prague in 1848, in Moscow and in St. Petersburg in 1867, a “secret” congress in Prague in 1868, Slavic Congress in Prague in 1908. The first three events were closely interrelated. All the Slavic congresses were focused on the ideology of the Slavic community and Pan-Slavism in its wide interpretation, fed on understanding of possibility to unite all Slavs on the basis of affinity of languages descended from a common root.

Over discussions held in Russian media several issues were acknowledged which should have become part of the Delegates’ agenda at 1987 Congress hosted in Moscow as well as Saint Petersburg. Those were the recurring questions of Russian language as a tool of cross-Slavic dialog, of civilized Slavic unity existence as well as its defining factors, and the significance of the Russian Empire presence in the vicinity of the Slavic peoples. The Congress organizers considered that Russia in particular should become the cultural, religious and indirectly political foundation for Slavic unity. The main uniting function was laid onto the cross national relations language. The Austrian Slavs were not able to solve that issue for Danube Empire during the Slavic Congress in Prague in 1848. In 1987 Russian intellectual elites promoted Russian language as the basis for the Slavic unity. Hence the ‘language’ question turned into the main symbol of first Slavic congresses of 19th century.

Keywords: Slavic congresses, Slavic languages, the formation of nations, Pan-Slavism, Austro-Slavism, the national symbol, Fr. Palacky

For citation: Saprikina OV. The use of national symbols in the conduct of Slav Congresses in the 19th century. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*, 2018;10:131-42.

Введение

XIX век был временем активной национальной самоидентификации славянских народов, оформления их культурных и политических движений, теоретических воззрений на будущее славянства.

Событиями, имевшими большое общественное и национальное значение, стали так называемые славянские съезды – политические, научные и культурные собрания представителей славянских народов.

Мы можем назвать четыре самых известных славянских съездов: пражский 1848 г., московский и Санкт-Петербургский 1867 г., «тайный» пражский 1868 г. и еще один славянский съезд в Праге в 1908 г. Все они являлись продолжением друг друга, но особая связь существовала между первыми тремя мероприятиями.

Идея славянских съездов строилась на различных вариантах идеологии славянской общности (или панславизма в его широком толковании), которая была основана на понимании возможности объединения всех славян на базе родства языков, близости исторических традиций, фольклора и народной культуры [1 с. 5]. Одним из важнейших символов единства стал обсуждаемый с самого первого съезда общий язык межславянского общения.

Чешский ученый М. Хрох выделил три условия, сыгравших важнейшую роль в процессе национального строительства [2 с. 122]:

- память об общем прошлом;
- плотность и интенсивность языковых и культурных связей, которые обеспечивают высокий уровень коммуникации внутри формирующейся нации;
- концепция равенства членов группы, организованных в гражданское общество.

Иная концепция формирования наций представлена Э. Хобсбаумом [3]. Историк выделил два элемента в качестве основы формирования нации: язык и этнос [3 с. 81]. При этом язык не следует понимать как первооснову, идущую из глубины веков. Любой национальный язык, по мнению Э. Хобсбаума, является в значительной мере искусственным образованием, поскольку для создания единого литературного языка необходимо выбрать один из диалектов в качестве образца [3 с. 81]. Язык служит формированию общности внутри образованной элиты, и если географические пределы этой общности совпадают с территорией распространения одного или нескольких диалектов, то это может способствовать формированию нации [3 с. 95]. Второй элемент – этнос связан, прежде всего, с исторической памятью народа и с религиозной принадлежностью [3 с. 101–113].

Началом современного этапа формирования наций у таких народов, как чехи, словаки, болгары М. Хрох считает тот момент, когда определенные группы внутри не доминантных этнических общностей этих стран начинают осознавать и обсуждать свою

этническую принадлежность, а также воспринимать свою этническую группу как имеющую возможность превратиться в будущем в нацию. Далее они предпринимают организованные попытки по обретению всех атрибутов, которыми, по их мнению, должна была обладать полноценная нация. Именно это Хрох называет национальным движением [2 с. 113].

В своем развитии, по Хроху, национальное движение проходит три фазы. В фазе А главным его содержанием является исследование языковых, культурных, социальных и иногда исторических черт недоминирующей группы и закрепление этих черт в сознании соотечественников. В фазе В – национальное движение расширяется, начинается политическая агитация, имеющая целью «разбудить» национальное сознание соотечественников. Как только подавляющая часть населения начинает придавать особое значение своей национальной идентичности, наступает фаза С, когда национальное движение становится массовым.

Особенности национального движения в этих странах отметил и Э. Геллнер. По его мнению, культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы характеризовались отсутствием собственной политической организации и кодификации. Поэтому национальное движение в этих странах было связано с деятельностью активистов-пропагандистов и просветителей, стремившихся «пробудить» нацию (при этом они апеллировали либо к опыту прошлого, либо к культурному своеобразию региона) [4 с. 182].

Таким образом, всеми авторами литературный язык выделяется в качестве неперемного условия нациообразования и важнейшего национального символа. В настоящей статье хотелось бы ответить на вопрос о том, как использовался тезис о языке не только как символе, но и инструменте общеславянского единства в период славянских съездов XIX в.

Славянский съезд в Праге в 1848 г.

Организовывая первый славянский съезд в Праге в начале лета 1848 г. Ф. Палацкий¹ прежде всего думал о противопоставлении его парламенту во Франкфурте (1848 г.), который был посвящен об-

¹ Палацкий Франтишек (1798–1876) – чешский историк, философ, политик, деятель культуры и чешского национального движения. Автор многочисленных исторических работ, среди которых наиболее известной является «История чешского народа в Чехии и Моравии».

суждению форм, темпов и методов объединения Германии. Целью Ф. Палацкого было сохранение Австрийской империи. Он писал, что дело, задуманное во Франкфурте, грозит существованию Австрии как самостоятельного государства, а оно имеет важное значение не только для чешского народа, но для всей Европы и всего человечества.

За два года до съезда оформился один из видов политического панславизма – австрославизм. Его авторами и глашатаями стали Ф. Палацкий и К. Гавличек-Боровский², а газета «Народни новины», издававшаяся последним, сделала эту идею актуальной и популярной. Австрославизм предполагал сохранение Австрийской империи и превращение ее в конституционное, федеративное государство, в котором бы славянам, как и остальным народам, предоставлялись права широкой федерации. Парадокс состоял в том, что в подобном случае австрийские немцы становились бы национальным меньшинством в своей стране. Идея австрославизма ярко прозвучала в открытом письме Ф. Палацкого к Франкфуртскому парламенту. Отметим, что в нем сказано не о преимуществах одного народа над другим, а лишь о равноправии всего населения Австрии:

Я не немец или, по крайней мере, не считаю себя немцем. Я чех, славянин по происхождению, и все мои силы принадлежат моему народу. Конечно, это небольшой народ, но он с самого своего начала имеет собственную историческую индивидуальность; его государи вступили в круг германских государей, но сам он никогда не причислял себя к немцам [5 с. 355].

Вопрос о создании самостоятельных славянских государств сторонниками австрославизма не ставился, сохранение Австрийской империи представлялось им важным для гарантии мира в Центральной и Восточной Европе.

Первый славянский съезд проходил в Праге со 2 по 12 июня 1848 г. и через делегатов представлял всех славян Австрийской империи. В качестве гостей могли присутствовать «неавстрийские славяне». Так, на этот съезд был приглашен и затем участвовал в последовавшем за ним восстании известный русский революционер-анархист М.А. Бакунин.

² Гавличек Карел (псевдоним – Боровский Гавел) (1821–1856) – чешский политический деятель, публицист, поэт и журналист.

Собравшиеся были разделены на три секции:

- 1) чехи, моравы, словаки – 237 человек;
- 2) поляки, русины – 41 человек;
- 3) хорваты и сербы – 42 человека.

Программа съезда состояла из четырех пунктов:

- 1) о роли славянских народов в Австрийском государстве и о причинах их взаимных столкновений;
- 2) об отношении славян к остальным нациям Австрийской империи;
- 3) о современных отношениях австрийских славян к остальным славянам;
- 4) об отношении австрийских славян к европейским неславянским народам [1, с. 12–13].

Результатом работы съезда стало издание Обращения к европейским народам, в котором так называемые австрийские славяне заявляли о себе, как о народах, независимых от влияния Российской империи, и стремились привлечь поддержку западноевропейских государств к своим национальным движениям и к программе автрославизма. В духе разыгравшихся в это же время событий во Франции они провозглашали свободу, братство и равенство в правах всех подданных австрийского императора вне зависимости от их национальности. Впрочем, по мнению Л.П. Лаптевой, данное обращение отклика не имело ввиду неконкретности содержания и в связи с началом 12 июня пражского вооруженного восстания, внезапно прервавшего съезд [1 с. 14].

Вопросы славянских языков оказались неожиданно сложными на первом славянском съезде, они не объединяли, а скорее разделяли народы. Дело в том, что все славянские языки одноименных народов Австрийской империи были восстановленными и переживали процесс формирования в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. Собравшиеся на съезде представители интеллигенции, безусловно, знали немецкий язык и участвовали в дискуссиях, посвященных вопросам воссоздания славянских на основании собственных наречий или родственных диалектов соседних славянских народов. Выделение какого-либо славянского языка в качестве общего на славянском съезде выглядело бы претензией на политическое лидерство. Неудивительно поэтому, что языком ведения документации славянского съезда в Праге в 1848 г. стал немецкий.

Отметим, что российский фактор на первом славянском форуме был скорее раздражителем: от него «австрийские славяне» хотели отмежеваться перед европейскими народами, подчеркивая

присущие им либеральные начала в противовес имперским. Поэтому вопрос о русском языке как символе общеславянского единства поставлен не был.

Славянский съезд в России в 1867 г.

Славянский съезд 1867 г. в Москве и Петербурге, по замечанию исследователя М.Ю. Досталь, стал интересным феноменом как в отечественной, так и во всеобщей истории. Не являясь политическим или научным форумом в полном понимании слова, он представлял собой череду официальных и неофициальных встреч, дружеских бесед и научных дискуссий, обмена достижениями культуры и искусства славянских народов [6 с. 3].

Начало 60-х гг. XIX в. в России было периодом подъема во всех областях жизни. В это пореформенное время Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете выступило с инициативой организации Всероссийской этнографической выставки, представлявшей все народы, проживавшие в России. Идея получила финансовую поддержку правительства. Позднее в славянофильских и близких к ним кругах возникла мысль дополнить выставку славянским отделом, чтобы наглядным этнографическим материалом напомнить россиянам об их «корнях», о родстве и близости славянских культур [6 с. 3–4].

Главными инициаторами организации славянского отдела выступили известные ученые-слависты В.И. Ламанский и Н.А. Попов. В его устройении участвовали также славянофилы И.С. Аксаков, Ф.В. Чижов, В.А. Черкасский и университетские профессора И.И. Срезневский, М.П. Погодин, С.М. Соловьев, М.Ф. Раевский и другие. Сначала организаторы обратились к зарубежным славянским ученым с просьбой о присылке необходимых экспонатов. Затем возникла мысль о приглашении всех, кто помогал с организацией выставки из-за рубежа, а вместе с ними – известных славянских интеллектуалов и политиков. Для подготовки съезда в марте 1867 г. в Санкт-Петербурге был создан специальный общественный Комитет по приему славянских гостей [6 с. 4–5].

Ставший дополнением к Всероссийской этнографической выставке съезд сопровождался определенной идеологической подготовкой, призванной оживить «славянолюбивые» настроения как в российском обществе, так и в среде прибывавших славянских го-

стей. В периодических изданиях выходили материалы о славянской истории, литературе, искусстве; публиковались биографии славянских политиков и ученых, например Ф. Палацкого и Ф. Ригера³. Но главным предсъездовским событием, по мнению М.Ю. Досталь, была публикация В.И. Ламанским в Чтениях Общества истории и древностей российских при Московском университете написанного еще в 1851 г. трактата Людовита Штура «Славянство и мир будущего», носившего ярко выраженный панславистский характер [6 с. 5–6].

На эти славянофильские действия остро отреагировала немецкая, венгерская и польская пресса, выразившая опасение, что «побратимство на панславянской основе – это заговор против Австрии». Однако оснований для этого не было. Как отметила М.Ю. Досталь, ни организаторы выставки, ни русское правительство не имели антиавстрийских и антитурецких целей, наоборот, внешнеполитический курс России по-прежнему состоял в поддержании статус-кво в Австрии и отчасти – в Турции, невмешательстве в их внутренние дела, хотя подспудно шла работа по отмене позорных статей Парижского договора 1856 г. о проливах, заключенного по итогам Крымской войны 1853–1856 гг., и по организации тайной помощи сербам и болгарам в создании Балканского союза [6 с. 6].

Слишком явные «славянолюбивые» настроения части российской общественности и интеллектуалов не получили поддержку официальных российских властей, стремившихся в этот момент отмежеваться от обвинений в панславизме. Даже в провинциальных городах по пути следования представителей зарубежных славянских народов, наряду с оказываемым им радушием, местные чиновники материально и идеологически стремились дистанцироваться от славянского съезда, полностью отделив его от Этнографической выставки [Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 377. Д. 79: Материалы о подготовке к приезду славянских ученых в Вильно. Апрель 1867 г.]. Такой была общая политика, продиктованная Петербургом, не желавшим проявлять внешние признаки отсутствия лояльности к Австро-Венгрии и Османской империи.

³ Ригер Франтишек Ладислав (1818–1903) – видный деятель чешского национального движения, политик, экономист. Лидер чешской Национальной либерально-консервативной партии (Старочешской), один из авторов ее программы.

Надежды славянофильски настроенной части российского общества выразил ученый-славист В.В. Макушев:

Разница между взаимными нашими (*славянскими*. – О. С.) друг на друга воззрениями была та, что мы слишком идеализировали наших единоплеменников, а они презирали нас, обзывали варварами, беспрестанно толковали о нашем кнуте, о нашем рабстве, о нашем «царе-папе», привыкли считать нас своими учениками и хвалиться перед нами своими успехами в науке и жизни общественной. Можно надеяться, что нынешняя поездка славян в Россию рассеет их недоразумения и переменит их взгляд на наш народ и наше государство; с другой стороны, и мы стали смотреть на них несколько иначе, чем прежде, и отдавать им должное. Взаимные отношения наши изменились, и возврат к ненавистному прошлому невозможен [Archiv Národního Muzea v Praze. Pozůstalost “František Ladislav Rieger (1818–1903)”. Karton 107/1: Separatky, věnovaně ruskými autory Palackému a Riegrovi (s osobním věnováním): (Макушев В. На прощание со славянскими гостями. [Санкт-Петербург]: Тип. Ю.А. Бокрама, 1867) S. 8].

В духе панславизма автор сетовал на слишком скудное взаимное изучение и отсутствие активных действий; на то, что труды большинства российских ученых-славистов были предназначены только для профессионалов, а широкому кругу читателей адресовались только переводы О.М. Бодянским двух знаменитейших трудов П.Й. Шафарика и «Обзор истории славянских литератур» А.Н. Пыпина, сожалел об отсутствии переводов исторических трудов Ф. Палацкого, В. Томека и других чешских исследователей на русский и иные славянские языки.

В документах нашло отражение обсуждение возможности и характера будущего славянского единства. Среди предложений были: создание в Варшаве общего славянского университета, периодический созыв съездов славянских ученых и деятелей искусств для расширения научных и культурных контактов, распространение знаний друг о друге среди славянских народов. С этой целью В.В. Макушев предложил создать научно-просветительскую организацию – Дружеское славянское общество [Archiv Národního Muzea v Praze. Pozůstalost “František Ladislav Rieger (1818–1903)”. Karton 107/1. (Separatky, věnovaně ruskými autory Palackému a Riegrovi (s osobním věnováním): (Макушев В. На прощание со славянскими гостями. [Санкт-Петербург]: Тип. Ю.А. Бокрама, 1867) S. 5–7], настаивал на необходимости некоторых совместных славянских изданий, например «Краткой славянской статистики

и этнографии», перевода «Научного словаря» Ф.Л. Ригера, перевода «Истории королевства Чешского» В. Томека, написания и издания общей «Истории славян» и выпуска периодического журнала под названием «Славянский вестник».

Много внимания на славянском съезде было уделено обсуждению дальнейшего развития славянских языков. Хозяева форума по-прежнему настаивали на необходимости введения русского языка в качестве «культурного» для всех славян. При этом развитие национальных языков зарубежных славянских народов не ставилось ими под сомнение. В.В. Макушев в своих речах и здравицах неоднократно использовал, например, чешский язык, цитируя народные песни и сонеты Яна Коллара⁴.

Однако славянские гости единодушно отказались от признания русского языка в качестве общеславянского. Общее мнение высказал Ф. Палацкий:

Все мы славяне тем охотнее будем учиться русскому языку, чем более поучительного и утешительного будет нам представлять русская литература; но из-за этого мы никогда не покинем и не пренебрежем своим собственным языком и литературой. Мечты об образовании и распространении одного языка всеславянского – суть мечты и ничего более [цит. по: 6 с. 25].

В ходе дискуссий в российской прессе были определены проблемы, ставшие основными для делегатов съезда. Ими являлись уже традиционные вопросы о русском языке как об инструменте межславянского общения; о том, существует ли цивилизационное единство славян и какие факторы его определяют; какое значение для славянских народов имеет соседство с Российской империей. Организаторы съезда считали, что именно Россия должна стать культурной, конфессиональной и, опосредованно, политической основой славянского единства. Главная надежда при этом возлагалась на язык межнациональных связей. Поэтому российские интеллектуалы выдвинули в качестве основы славянской общности русский язык. Однако представители зарубежного славянства с этим предложением не согласились.

Единодушно гости и хозяева проявили себя в вопросе об освободительной роли России в отношении славян, особенно южных.

⁴ Коллар Ян (1793–1852) – словацкий политик, поэт и философ, автор идеи «славянской взаимности». Наиболее известны такие его произведения, как поэма «Дочь славы» и трактат «О племенах и наречиях славянских».

Заключение

В научной литературе существует мнение, что славяне во многом разочаровались в возможностях осуществления своих политических надежд при помощи России, так как съезд не побудил австрийское правительство капитулировать перед их демонстрацией в Москве. Но этому противоречат сведения о так называемом «тайном» или втором пражском съезде 1868 г., собравшемся по случаю открытия в Праге Национального театра, и названном «тайным», поскольку официальные встречи и приемы во время него не проводились, большинство мероприятий состоялось в парке «Стромовка». Русофильские тенденции на нем были очень сильны, даже у известного младочеха Юлиуса Грегра⁵ [7, с. 92–98]. Очередное разочарование в России придет позже, в ходе Восточного кризиса 70-х гг. XIX в.

Основными результатами съезда 1867 г. стало получение финансовой помощи от России южнославянскими народами, расширение и укрепление научных и культурных межславянских связей, весьма важных в обострившейся политической обстановке.

Проведенное исследование показало, что идея общеславянского языка была более популярна в России, чем за ее пределами. В качестве условного языка межславянского общения называли русский, но в течение второй половины XIX в. он продолжал оставаться скорее символом, чем инструментом сближения славянских народов.

Литература

1. *Лантвева Л.П.* Идея славянской взаимности и славянские съезды XIX в. // Славянские съезды XIX–XX вв. / Под ред. М.Ю. Досталь. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. С. 5–20.
2. *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 121–145.
3. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб.: Алетейя, 1998. 119 с.
4. *Геллиер Э.* Пришествие национализма: Мифы нации и класса // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 147–162.
5. *Naše národní minulost v dokumentech: Chrestomatie k dějinám Československa. D. 2: Od zrušení nevolnictví do revoluce roku 1848.* Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1962. S. 355–360.

⁵ Юлиус Грегр (1831–1896) – чешский публицист и политический деятель партии младочехов (фракции Национальной партии).

6. *Досталь М.Ю.* Предисловие // Всероссийская этнографическая выставка и Славянский съезд в мае 1867 года / Сост. А.Н. Иванов. М.: Институт русской цивилизации, 2017. С. 3–29.
7. *Харцьева Г.Ю.* «Тайный славянский съезд» 1868 г. в Праге // Славянские съезды XIX–XX вв. / Под ред. М.Ю. Досталь. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. С. 92–98.

References

1. Lapteva LP. The idea of Slavic mutuality and Slavic congresses of 19th century. V: Dostal MYu., ed. *Slavic congresses of the 19th – 20th centuries*. Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN Publ.; 1994. p. 5-20. (In Russ.)
2. Hroch M. From national movements to a fully formed nation. V: Nation and nationalism. Moscow: Praksis Publ.; 2002. p. 121-45. (In Russ.)
3. Hobsbawm E. Nations and Nationalism after 1780. Sankt-Peterburg: Aleiteya Publ.; 1998. 119 s. (In Russ.)
4. Gellner E. The Coming of Nationalism. Myths of the nation and class. V: Nation and nationalism. Moscow: Praksis Publ.; 2002. (In Russ.)
5. Naše národní minulost v dokumentech: Chrestomatie k dějinám Československa. D. 2: Od zrušení nevolnictví do revoluce roku 1848. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1962. S. 355-60.
6. Dostal MYu. Foreword. V: Ivanov AN., comp. *All Russian Ethnographic Exhibition and Slavic Congress in May of 1867 in St. Peterburg and Moscow*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii Publ.; 2017. p. 3-29. (In Russ.)
7. Khartsieva GYu. “Secret Slavic congress” of 1868 in Prague. V: Dostal MYu., ed. *Slavic congresses in the 19th – 20th centuries*. Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki RAN Publ.; 1994. p. 92-8. (In Russ.)

Информация об авторе

Ольга В. Саприкина, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; saprolga@yandex.ru

Information about the author

Olga V. Saprikina, PhD in History, associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; saprolga@yandex.ru